КНИГА ЗА КНИГОЙ

И. И. Скворцов-Степанов

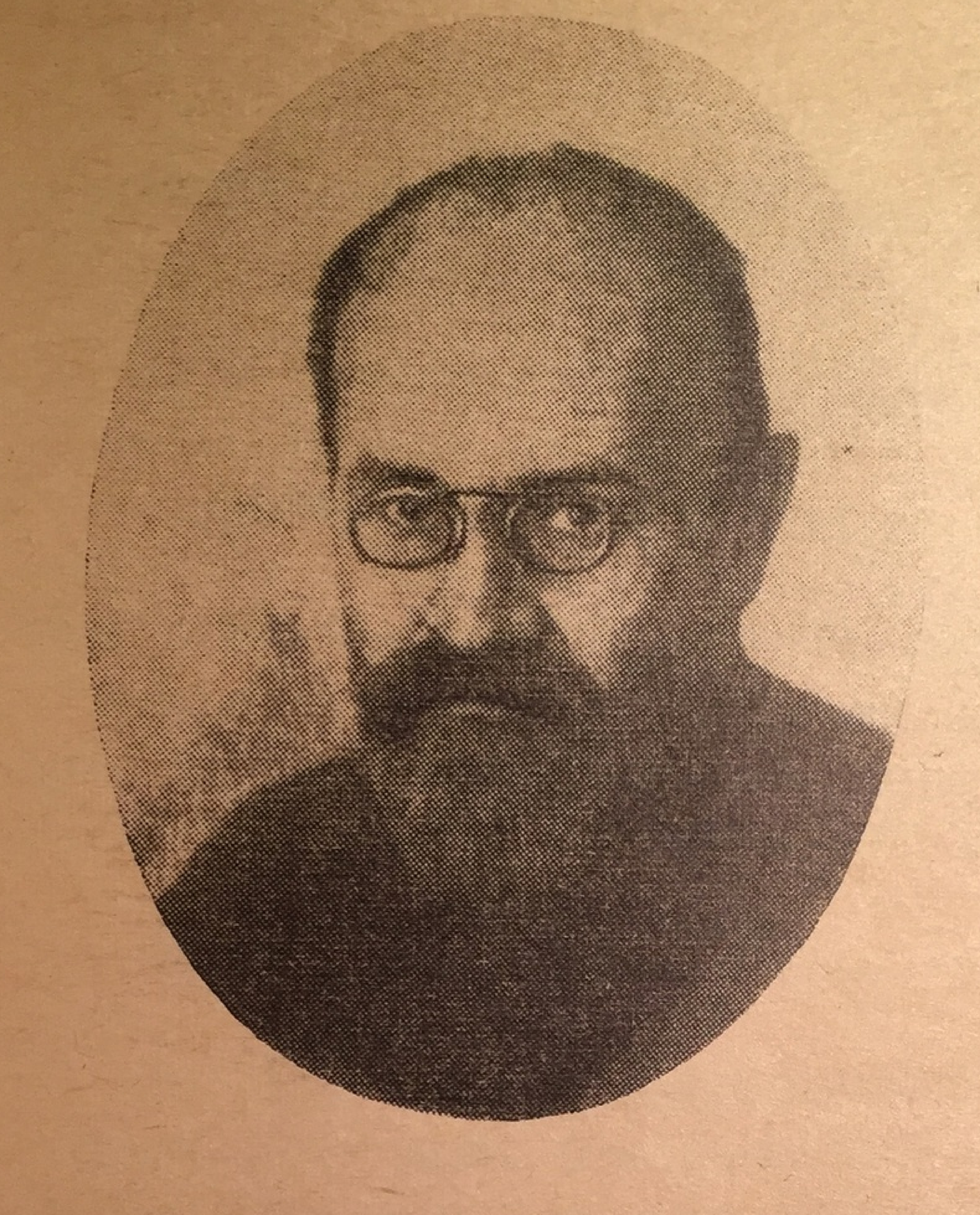
ТОРБЕЕВСКИЙ ИДОЛ

ДЕТГИЗ

06

27/III-80	Калнова		
23.4.80	Гончаров		
8.10.80	Котова		
10/III-81	Бедрегри		
18/III-81	Касьянова		
27/IV-8			
~~10/V-82~~	~~Высоцкий~~		
~~5/III-83~~	~~Корабль~~		
6.12.89	Максимова		

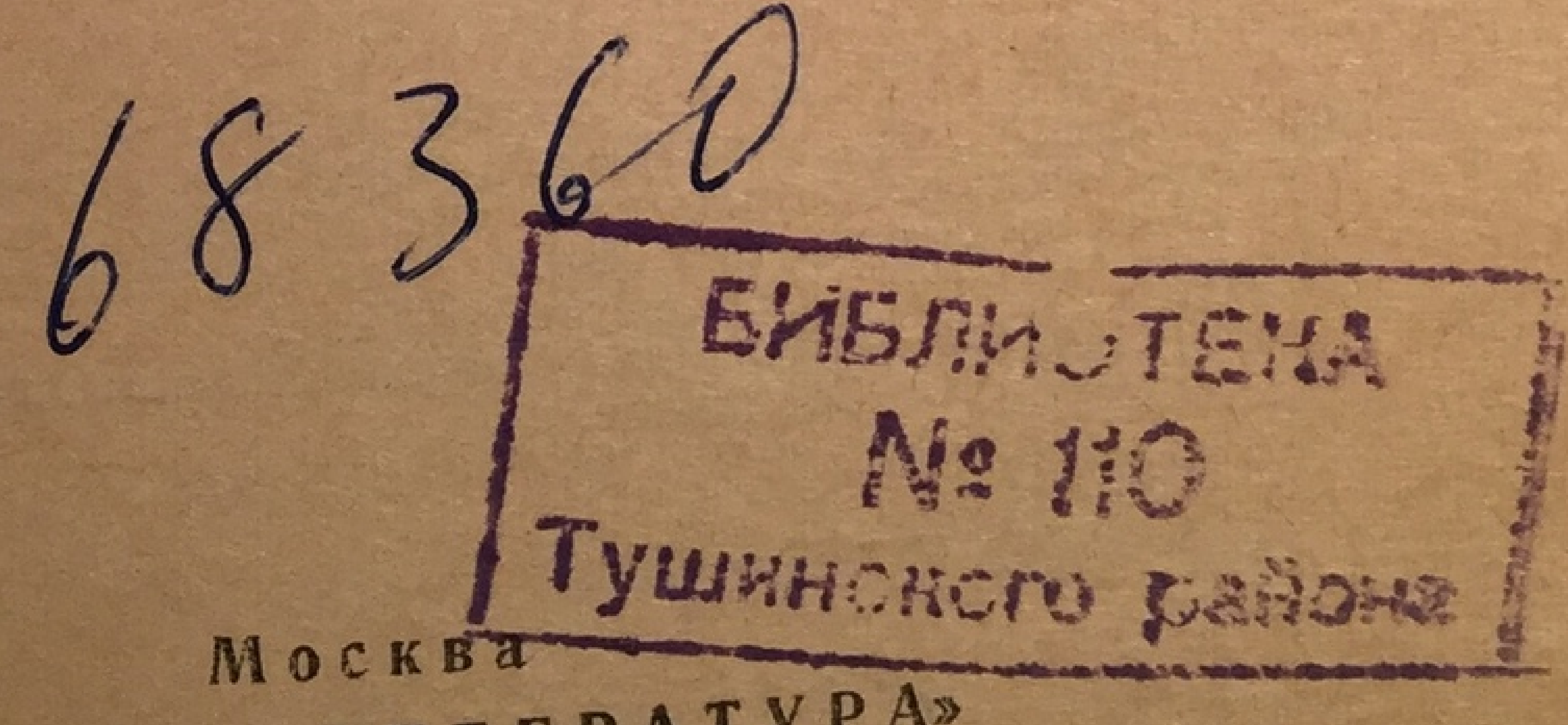
К

И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

ТОРБЕЕВСКИЙ ИДОЛ

РАССКАЗ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1974

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка Е. Ванюкова

Скворцов-Степанов И. И.

С42 Торбеевский идол. Рассказ. Рис. Е. Ванюкова и В. Фекляева. М., «Дет. лит.», 1974.

32 с. с ил. (Книга за книгой).

В этой книге вы прочитаете рассказ о жизни ребят села Торбеева до революции. Мальчик Костя, сын сельского священника, запугал ребятишек моложе себя и заставил их поклоняться обыкновенному снеговику и приносить ему дань. Чем всё это кончилось, вы и узнаете, прочитав рассказ «Торбеевский идол».

В книге ещё два отрывка из антирелигиозной статьи И. И. Скворцова-Степанова.

С $\frac{70802-362}{М101(03)74}$ 142—74 Р2

О Скворцове-Степанове Иване Ивановиче
(1870 — 1928)

1917 год. В России рабочие и крестьяне поднялись против
царя. В Петрограде взяли власть в свои руки.

В Москве комендант Кремля отверг требование рабочих
сдаться и оставить Кремль. В ночь на 28 октября в Моссовете
собрался Военно-революционный комитет. Наступила тишина.
Как быть? И вдруг раздался голос: «Кто боится смерти, пусть
покинет это здание!» Эти твердые, решительные слова произ-
нес Скворцов-Степанов Иван Иванович — смелый революцио-
нер-ленинец.

Большевики выбили контрреволюционеров из Кремля,
Москва навсегда стала советской.

Двадцати одного года, оставив преподавательскую работу,
Скворцов-Степанов стал вести революционную пропаганду
среди рабочих. Он много раз арестовывался и ссылался то в
Тулу, то в Восточную Сибирь, то в Астраханскую губернию.

Скворцов-Степанов много сил отдавал партийной работе,
но всю жизнь упорно учился; самостоятельно овладел иност-
ранными языками и приобрёл в самых разнообразных обла-
стях глубокие знания. Это был широкообразованный человек.
Он перевёл с немецкого языка на русский три тома «Капита-
ла» К. Маркса и многие другие работы К. Маркса и Ф. Эн-
гельса.

Скворцов-Степанов написал специально для рабочих очень
интересную книгу об электрификации, был автором статей по
вопросам истории, экономики, естествознания, антирелигиоз-
ным. В. И. Ленин высоко ценил Скворцова-Степанова и как
стойкого революционера, и как автора книг, статей для ра-
бочих.

В этой книге мы печатаем рассказ И. И. Скворцова-Степа-
нова о жизни ребят села Торбеева до революции, а также от-
рывки из антирелигиозной статьи «Почему падает вера и на-
растает безверие».

ТОРБЕЕВСКИЙ ИДОЛ

Это было давно, много-много лет тому назад.

Но и теперь так бывает.

Мы жили дружной гурьбой: шести-семилетние малыши и ребята десяти и двенадцати лет.

Все мы порядочно побаивались Кости, сына торбеевского протопопа[1]. Мы его старались задобрить и давали ему то конфетку, то пряник.

Он относился к нам свысока, как к неразумным созданиям. В наши игры он не мешался, но иногда откалывал с нами злостные шутки.

Особенно памятен мне один случай.

Это было на исходе зимы. Снег начинал таять. Мы разделились на партии и

[1] Протопóп — священник высшего чина.

осыпали друг друга жестоким градом снеговых бомб. Общими силами скатывали снег в огромные глыбы. Пытались лепить фигуры людей и животных.

Это дело шло плохо: у нас не хватало выдержки и искусства. Мы не успели слепить ни одного порядочного истукана. Только что сделаем грубые ноги, туловище, руки и голову — как уж кто-нибудь налетит и одним ударом лопаты разрушит наше творение.

Костя, посмеиваясь, остановился против нас и о чём-то задумался. А потом начал командовать нами.

Мы расчистили место перед крыльцом. Затем скатали две снеговые тумбы и поставили их на расчищенном месте. На эти тумбы с великим трудом, пригласив на помощь соседей, водрузили громадный снеговой ком. Костя работал с лопатой, пришлёпывал, прихлопывал, отбивал в одном месте, надбавлял снегу в другом. И скоро мы увидели, что получилось большущее человеческое туловище на коротких и толстенных ногах. Затем к нему были приделаны руки, шея, голова. Вместо глаз Костя вставил угольки, из мелких же угольков сделал огромные чёрные брови дугой.

Я не знаю, где теперь злой Костя. Но я ещё и теперь сохраняю глубокое уважение к его ваятельским[1] способностям. Ни раньше, ни позже я не видел такого ужасного и великолепного в своей чудовищности истукана. И ни одно скульптурное произведение других стран и народов не производило на меня такого жуткого и неизгладимого впечатления, как статуя, воздвигнутая Костей при нашем содействии. И, хотя я в свои поздние годы видел статуи и мессопотамских, и персидских, и египетских, и занзибарских богов, я до сих пор не могу отделаться от мысли, что ещё никогда и никому не удавалось создать такого исполинского и грозного бога.

В правой руке у истукана была увесистая дубинка, которую где-то разыскал Костя. Левая рука с растопыренными пальцами была угрожающе протянута вниз и вперёд. Каждый раз, когда я проходил мимо статуи, мне казалось, что эта рука тянется ко мне и вот-вот схватит за воротник.

Но самое страшное в истукане была его ужасная пасть: широкая, глубокая — казалось, в неё ушла бы вся моя голо-

---

[1] Ваятель — скульптор.

вёнка. Из неё торчали ужасные зубы. Впоследствии я понял, что Костя где-то разыскал челюсти дохлой коровы или лошади, а может быть, собаки и с большим искусством приладил их к своему истукану. Но тогда я не знал, откуда взялись зубы, и в страхе думал, что они выросли у статуи так же, как у маленького Шурика прорезались мелкие зубки.

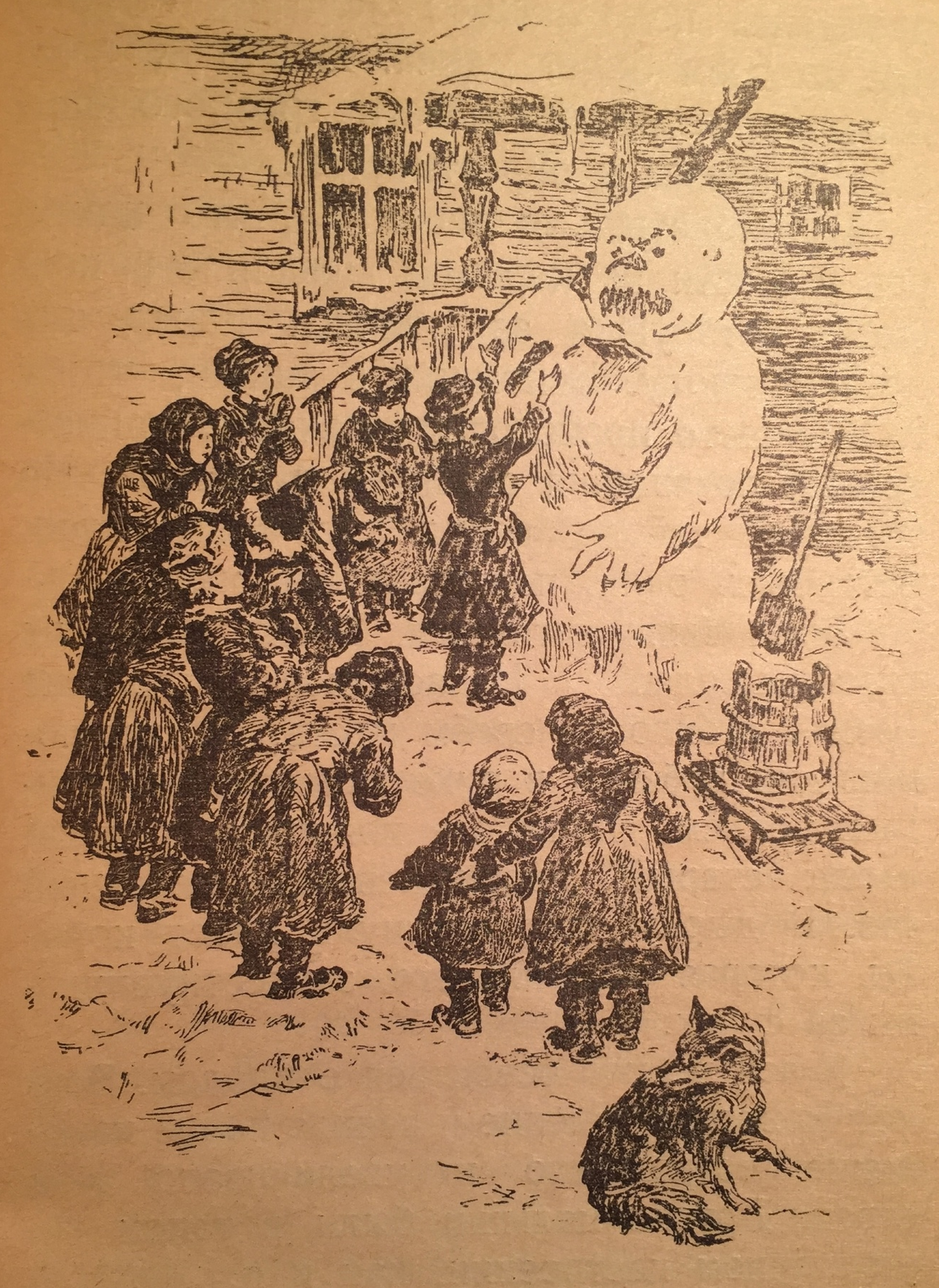
Когда всё было готово, Костя с таинственным видом сказал, что теперь надо опрыскать идола живой и мёртвой водой. Мы быстро наносили живой воды из колодца. А за мёртвой водой Костя отправил нас под горку, где был родник, не замерзавший зимой. Мы взяли санки, привязали к ним ушат и, налив его до самого верха, общими силами привезли к истукану. Костя, вооружившись веником и ковшом, с мрачно-серьёзной и торжественной физиономией обрызгивал и обливал истукана. Вечерний мороз превратил его в сплошной кусок льда.

Наступила самая торжественная минута. Костя выстроил нас в два ряда перед статуей и, приказав повторять все его движения, стал впереди нас. Затем он молитвенно поднял руки, потом приложил их к груди, а в заключение простёр к исту-

кану и возгласил: «О бог, о царь этих мест! Будь к нам милосерд! Призри на наше смирение! Прими наши жертвы и осени успехом и счастьем всякий наш шаг!» Он закончил своё моление низким поклоном и долго стоял, склонившись в благоговейном молчании. Я весь трепетал, подавленный величием церемонии. И жутко и боязно было у меня на душе, и сильно колотилось моё сердчишко, когда я осмеливался бросить робкий взгляд на идола, который свирепо смеялся страшными челюстями собаки или коровы.

Костя порылся у себя в кармане и, отыскав завалявшийся мятный пряник, положил его на дощечку, прилаженную перед чудовищной пастью. Все мы должны были принести в жертву что у кого было: конфетку, грецкий орех, горсточку подсолнухов. Когда я приблизился напоследок и протянул ручонку, в которую собрал всё, что у меня было в кармане: две конфетки, грецкий орех и медовый пряник,— на душе у меня захолонуло: а вдруг страшные челюсти схватят и оттяпают руку? Никогда ещё не переживал я такой страшной минуты.

Костя возвестил, что каждый раз, как мы выходим из дому, мы должны

...он молитвенно поднял руки и возгласил: «О бог, о царь этих мест! Будь к нам милосерд!..»

приносить подобающую жертву. Тогда у нас во всём будет удача. Иначе не избежать нам страшной мести грозного царя села Торбеева и окрестностей.

Впоследствии я вспомнил, что как-то раз у Кости из кармана вывалилась конфета, которую я за полчаса перед тем принёс идолу. Вспомнил я также, что у Кости часто происходили какие-то таинственные совещания с Митей и Славой. Но тогда я твёрдо верил, что сам идол, оставшись один, пожирает все жертвы.

Зима была затяжная. Весна долго не развёртывалась. Ненасытное идолище крепко стояло на своём месте. В следующие дни дубинка в руке заменилась длинным копьём. На голове появился грозный шлем: старый, проржавевший железный таз. В дырку таза воткнули хвост коровы, которая оторвала его, захлестнувшись им за сучок.

Я всё не мог освоиться с идолом. Всякое новое украшение и всякое новое изменение возрождало и увеличивало мой страх. Другие малыши были в таком же угнетённом настроении, как и я.

Пошли рассказы о чудесных происшествиях. Слава рассказывал, что он три дня кряду отдавал идолу все лакомства, кото-

рые добывал, и зато на третий день поймал снегиря. А Митя, который как-то раз вышел к нам прихрамывая и с ободранным носом, поведал, что вчера он пострадал за своё нечестие. Выходя из дому, он ничего не положил на жертвенник торбеевского царя. Но зато, как только он покатился с горки, санки перевернулись, Митя перекинулся, зашиб ногу и разодрал нос. А когда он к ночи возвращался домой, он видел, как огоньками сверкали глаза идола, и слышал, как идол хриплым басом сказал: «Покайся, грешник!»

Костя присутствовал при этих рассказах и своим мрачным видом подтверждал их достоверность.

Так прошло, должно быть, не меньше недели. А затем всё закончилось страшным для меня происшествием.

В то утро я проснулся весёлый и бодрый. Дома мне не сиделось. Я быстро съел кусок хлеба, выпил молока с пряником и помчался на улицу. Пробежав мимо истукана, я вдруг вспомнил: второпях я съел решительно всё, что передо мной было, и ничего не оставил для умилостивительной жертвы. Вначале эта мысль неотступно преследовала меня. Но затем я

увлёкся сооружением снеговой крепости и развернувшимся сражением против наступающего противника. Всё шло превосходно. Мы отбили вражескую армию, и я не был ранен ни разу.

Это подбодрило меня. А уже в то время у меня начали появляться подозрения, что Костя со своими союзниками нас одурачивает. Я весело пошёл домой, ухарски размахивая руками, и смело проскочил под самым носом страшного истукана. Ничего со мною не случилось.

Удивительно быстро нарастает вольномыслие! Я очень хорошо пообедал и дерзнул сам съесть все свои лакомства. Я не забывал об истукане. Как раз наоборот: я всё время помнил о нём и, уничтожая конфетки и пряники, про себя подсмеивался над снеговым царём Торбеева.

Начав своё освобождение от цепей веры, я почувствовал величайший подъём духа. Смелый, дерзновенный, готовый вступить в борьбу со всеми злыми силами, я выскочил на улицу и, приплясывая, пошёл к истукану. Когда я взглянул на него, мне вдруг стало смешно: хвост, который у коровы прикрывал эвона какую часть тела, украшает голову торбеевского царя. Смешной идол! Я сам скатывал

снег, из которого ты сделан, я и другие малыши воздвигали тебя! И я ни капельки, ничуточки не боюсь тебя!

Пожалуй, я чересчур расходился. Уж очень легко почувствовал я себя, когда моя мысль сделала первый шаг в освободительной борьбе. Я залихватски поднял голову, издевательски высунул язык и показал нос истукану, который представлялся мне теперь таким жалким и смешным.

Но в тот же самый момент я увидел Костю, которого до того времени не замечал. Он стоял в нескольких шагах от меня и суровым взором смотрел на начавшееся низвержение богов.

Костя не сказал ни слова. Он только мрачно и многозначительно покачал головой. Моё недавнее бодрое настроение разом упало.

Костя, конечно, разом понял, что этого дела нельзя так оставить: моё вольнодумство могло бы заразить других малышей и наступил бы конец господству жреческого[1] сословия.

Костя действовал очень тонко. Очевидно, он быстро договорился с Митей и Славой. И вот, когда мы все собрались

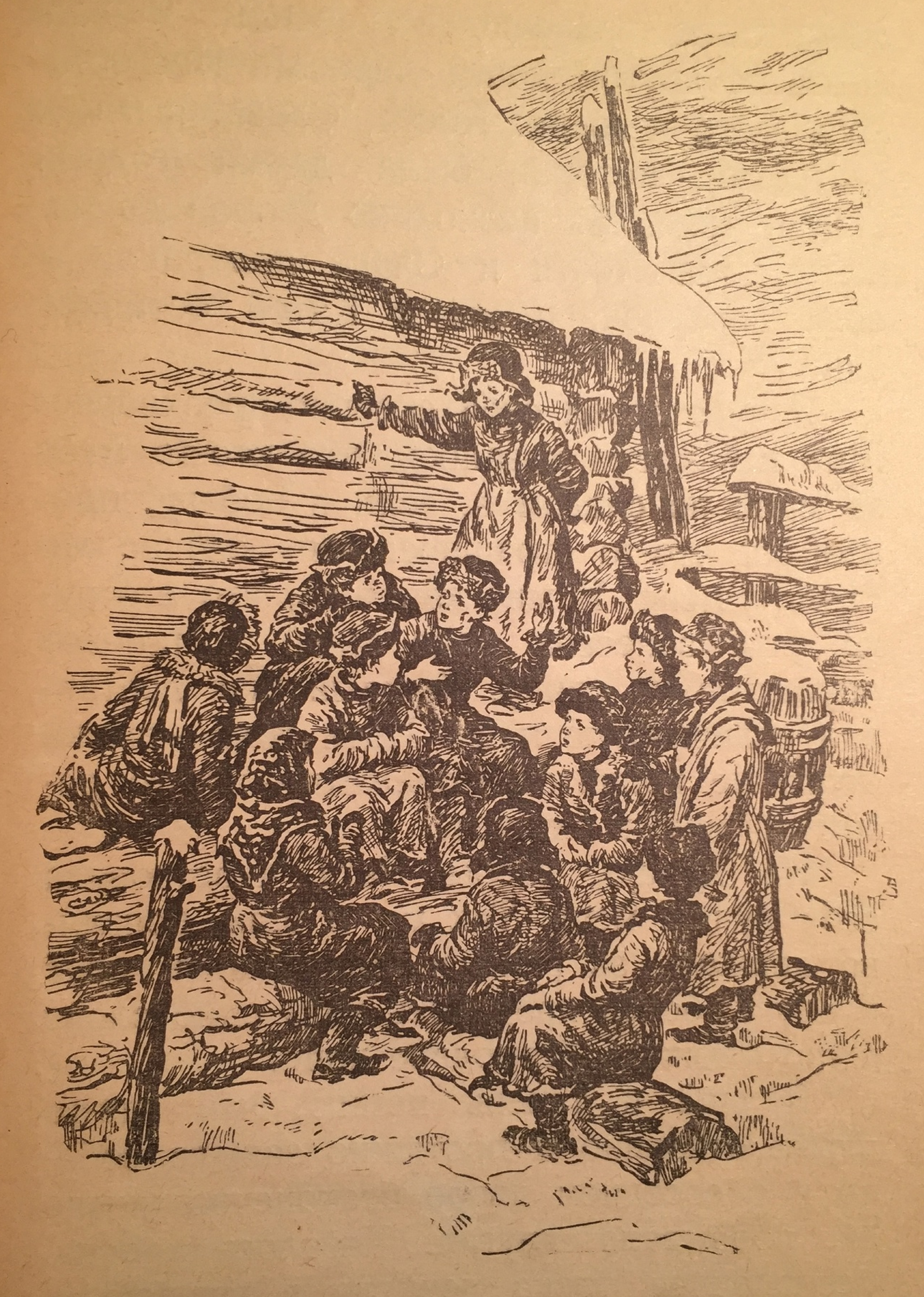
---

[1] Жрец — священнослужитель, совершавший жертвоприношения.

за сараем, начались рассказы, один чудеснее и страшнее другого. В соседнем Бунькове мальчик показал истукану пряник и потом, издеваясь, сам съел его. Зато ночью, когда он пошёл в чулан, в сенях кто-то невидимый подставил ему ногу, повалил на землю и захохотал страшным хохотом. А другой нечестивец был наказан тем, что под ним опрокинулась скамейка, когда он катился с горы. Свалившись, он вышиб себе два зуба и расквасил нос.

Рассказы непрерывно шли один за другим. Костя, Митя и Слава не умолкали. Едва кончал один и слушатели не успевали оправиться от произведённого впечатления, как другой уже начинал: «А вот ещё был такой случай». Пошли рассказы о домовых и леших, о ведьмах, о русалках. Наши жрецы увлеклись. Я теперь думаю, что они не просто выдумывали, не просто запугивали нас, но и сами верили многому из того, что они нам рассказывали, и сами содрогались от тех ужасов, о которых нам говорили. По крайней мере, Слава попросил Костю, чтобы тот проводил его до дому.

За рассказами и за страхами мы не заметили, как надвинулась тёмная ночь.

За рассказами и за страхами мы не заметили, как надвинулась тёмная ночь.

Надо было возвращаться домой. Я жил почти на другом конце деревни. Нас осталось всего четверо: Костя, Слава, я и моя сестрёнка, которая была двумя годами старше меня. За несколько дворов до нашего дома Костя и Слава повернули в свой переулок, и мы с Катей остались одни.

Я чувствовал себя скверно-прескверно. Мне всё время казалось, что кто-то идёт за мной по следам и, если я побегу, произойдёт что-то страшное: «он» сейчас же схватит меня. И мне казалось, что его рука уже занесена надо мной и вот-вот опустится на спину. Каждый шаг доставлял величайшую муку. Идти тихо — пытка долго не кончится, побежать — кто-то разом догонит и схватит.

Не думаю, чтобы Катя чувствовала себя лучше меня. Так мы и шли, боязливо держась за руки и прижавшись друг к другу, боясь проронить хоть одно слово и потревожить безмолвие ночи.

Я ещё и теперь помню, что где-то вдали отчаянно и протяжно завыла собака и в соседнем дворе бесконечно уныло ей подвывала другая. Казалось, тоска, бесконечная тоска повисла в воздухе и хватала за сердце. На небе — ни звёздоч-

ки. Мы с Катей одни бредём в пустынном и опустевшем мире, а за нами кто-то крадётся, крадется... Мы с Катей одни во всём мире, а кроме нас, ещё только торбеевский царь. И этот царь наполнил весь мир. Я знаю, что он стоит вот здесь, справа от нас и немного впереди. Но он сзади нас, и с боков, и сверху, и мы никогда и никуда не уйдём от него и всегда будем чувствовать на себе его ужасную руку. Во всём мире и во мне самом — торбеевский царь.

Я вспомнил о мести этого царя всем непокорным. И я сам, маленький и бессильный Вася, сегодня издевался над этим грозным и вездесущим существом...

Те полсотни шагов, которые оставалось нам сделать после того, как мы расстались с Костей и Славой, показались мне вечностью: им конца не будет, я никогда не дойду до своего дома...

Вдруг с той стороны, где стояло неумолимое и гневное божество, послышалось ужасающее рычание и хрипящий могильный голос заговорил: «Великий грешник Вася, покайся!»

Я ничего дальше не помню. Совсем не помню, как пронеслись мы до крыльца, как миновали тёмные сени и ворвались в дом.

Помню только, что я не мог произнести ни слова и, подпрыгивая перед перепуганной матерью, сам не свой кричал: «У-у-у!..» Катя сначала не могла вымолвить ни звука, а затем, трясясь всем телом, начала пронзительно плакать.

Я не помню, как меня уложили. Потом я узнал, что я часто вскрикивал во сне, бормотал: «Никогда больше не буду», плакал и всхлипывал. Просыпаясь, я опять начинал тянуть своё «у-у-у». Хотели послать за доктором.

Когда Катю удалось успокоить, от неё после долгих расспросов узнали обо всём, что случилось.

К рассвету я успокоился. Проснулся очень поздно, перед обедом. Около кровати сидела мать и тревожно смотрела на меня. Когда я, выпростав ручонки из-под одеяла, потянулся к ней, она радостно улыбнулась.

По стенам прыгали зайчики от графина с водой. Подбежав к окну, я увидел, что по тропинкам бегут весёлые ручейки. Чириканье воробьёв и задорный крик синиц были так громки, что прорывались через двойные рамы. В одну ночь прикатила весна.

За обедом я сидел рядом с отцом. Он

Вдруг с той стороны, где стояло неумолимое и гневное божество, послышалось ужасающее рычание...

поглаживал меня по спине. И так хорошо было чувствовать его спокойную, сильную и в то же время ласковую руку.

— Глупый,— проговорил он, обращаясь ко мне,— неужели ты сразу не понял, что всё это — Костины фокусы?

После обеда мы с отцом пошли разбрасывать снег. Он взял меня за руку и, не говоря ни слова, направился к истукану.

Светило солнце, задёрнутое лёгкой облачной дымкой. Воробьи и синицы, казалось, с ума сошли от радости. Из соседней рощи доносился крик грачей, приступивших к постройке и возобновлению гнёзд. Один грач залетел в нашу сторону, сел на плетень, неторопливо поворочал головой и опять полетел к роще.

Свет разогнал ночные страхи. А тут ещё спокойная и крепкая рука отца. Думаю, что и ночью я понял бы, что, как ни силен торбеевский царь, всё же он побоялся бы напасть на отца.

Торбеевский царь порядочно пострадал от бурного весеннего дня. Челюсть перекривилась и беспомощно торчала из пасти. Коровий хвост взмок, по нему струились и падали капля за каплей. Всё туловище осело и покачнулось.

Отец весело взглянул на меня и, взмахнув ломом, ударил по ногам-тумбам. Истукан разом рухнул на землю. Голова свалилась в одну сторону, ржавый таз — в другую.

— Ну-ка, помогай, принимайся за работу! — сказал отец и быстрыми взмахами лопаты стал по кускам отбрасывать тело несчастного торбеевского царя на дорогу, покрытую оттаявшим навозом.

Никогда ещё не работал я с таким бодрым и горячим рвением и никогда ещё так не гордился своим отцом.

Когда мы отдыхали, я вдруг увидел Костю, который выглядывал из-за угла. Своей фигурой он почему-то напомнил мне на этот раз истукана, наполовину разрушенного весной. Жалкий и сконфуженный был у него вид.

Не успел я показать его отцу, как он уже спрятался...

Вечером я опять сидел около отца, и он опять поглаживал меня рукой по плечу. Во всём теле чувствовалась приятная усталость. Я дремал под тихую песенку самовара. Но уходить в постель мне не хотелось. Было на редкость уютно, и так же тихо и уютно было у меня на душе. В голове бродили клочки мыслей и воспо-

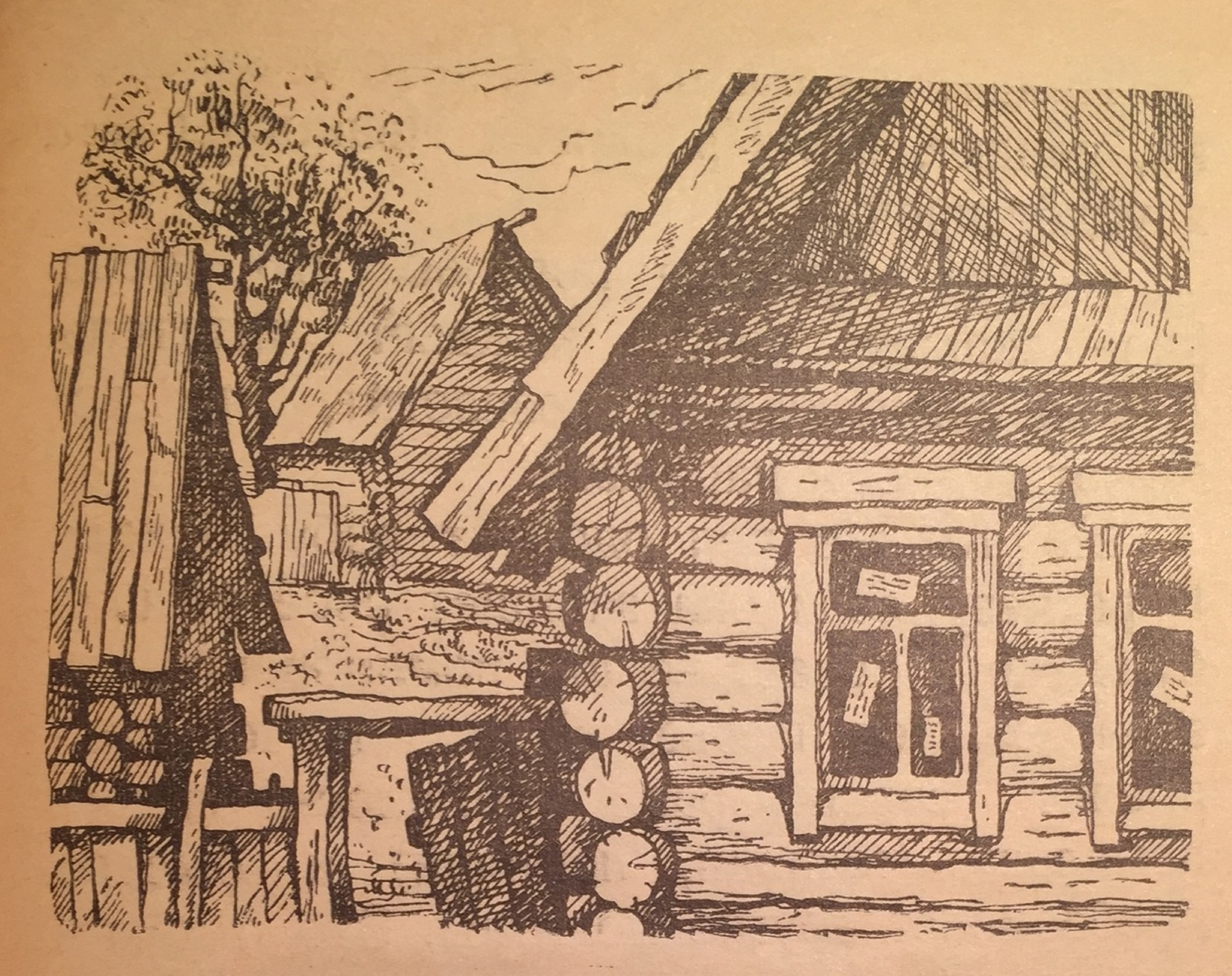
минаний. Придёт — и уйдёт. И уже через минуту забываешь, о чём думал и что вспоминал.

Вдруг в моей голове что-то мелькнуло, светлое и ясное. Я встрепенулся и, широко открыв глаза от удивления перед своей догадкой, сказал:

— А знаешь, папа? Тот царь, небесный, которого поминает бабушка, и те иконы, которым она молится, ведь всё это, пожалуй, Костин папа выдумал? Всё это, пожалуй, его фокусы?

Отец ничего не ответил. Он только быстро переглянулся с мамой и посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом. Мне только показалось, что его рука ещё ласковее стала поглаживать меня по спине...

ПОЧЕМУ ПАДАЕТ ВЕРА И НАРАСТАЕТ БЕЗВЕРИЕ

Из статьи

*

Когда я жил в Астраханской губернии, я был немало удивлён, увидав, что на всех дверях и окнах одной деревенской избушки наклеены бумажки с надписью:

«Прасковьи Ивановны дома нету».

Сама Прасковья Ивановна, которая в действительности сидела дома, рассказала мне, что она уже несколько недель мается от лихорадки и сделала эти надписи, чтобы отделаться от неё.

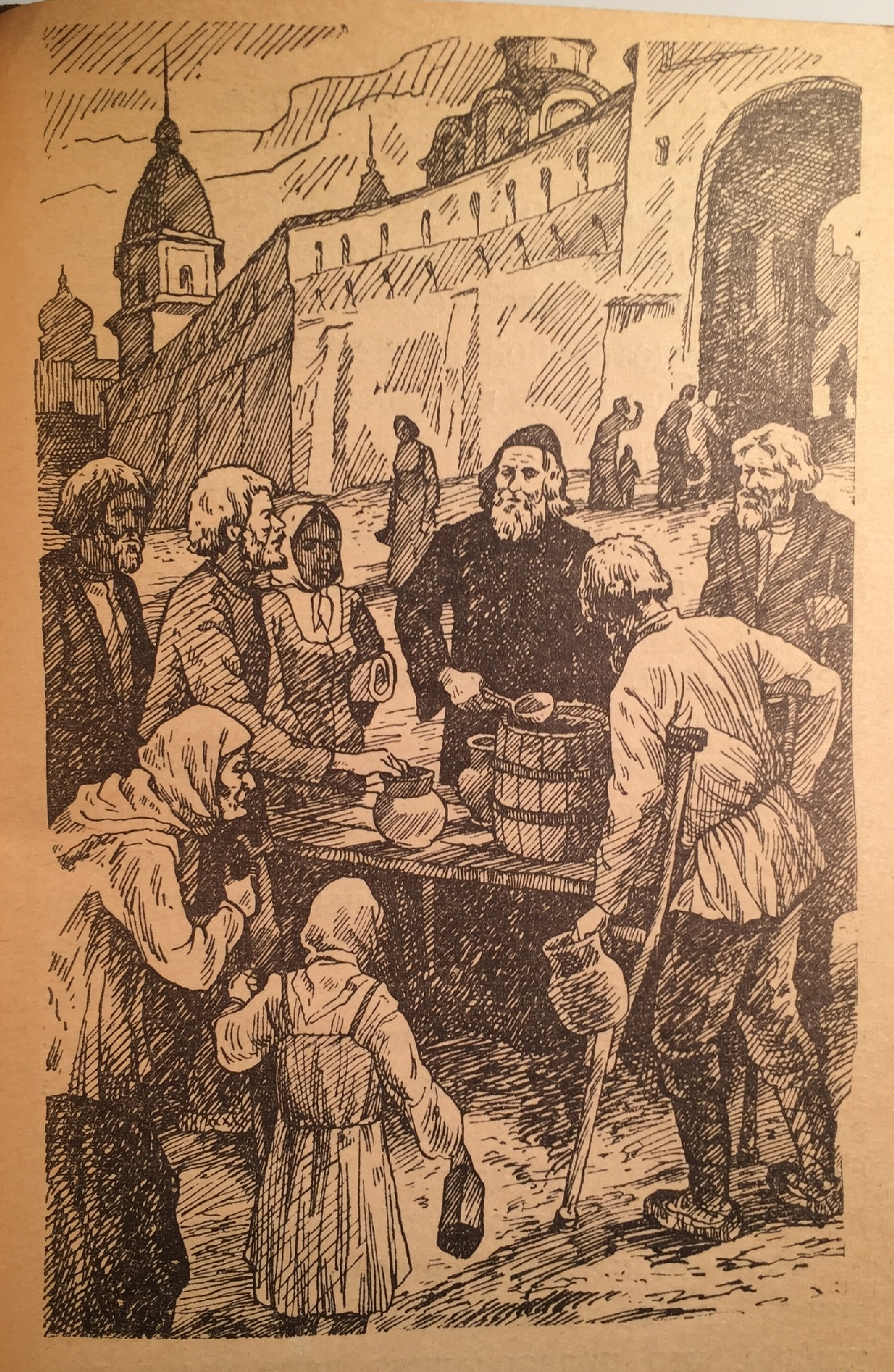
Придёт лихорадка, прочитает записочки, увидит, что Прасковьи Ивановны нет, и уйдёт прочь.

— Это народное поверье, это суеверие, — скажет почти каждый читатель. А поп назидательно возвестит, что всё это от темноты народной.

Но тот же поп одобрит рабу божию Параскеву, если она запишет своё имя на бумажке и подаст её для поминовения «за здравие». Поп назовёт её имя, дьячок прокричит сорок раз «помилос-помилос-помилос» (господи, помилуй) и быстро пробормочет другие молитвы. Это с точки зрения церкви не суеверие, а истинное благочестие, дело истинной веры.

Если призовут ворожею и она, шепча заклинания против сестёр-лихоманок, польёт водой угольки и потом изо рта спрыснет больную этой водой, перед нами будет явное суеверие, и всякий поп станет с сокрушением говорить о той власти, какую суеверия имеют над простыми умами.

А если пригласить того же попа отслужить над больной молебен, он придёт, будет петь и читать об отогнании дьявола и с огромной кисти побрызгает на больную водой, которую называют святой

...несколько больных исцелились, выпив кваса, взятого из Звенигородского монастыря.

водой. Это якобы не суеверие, а дело святой веры.

Нелепость и суеверие, когда приглашают колдуна исцелять «порченую». Но благочестивое дело — свозить эту «порченую» к чудотворной иконе, силой которой из неё могут быть изгнаны какие-то бесы, как учит церковь.

Язычество и нелепость — признавать священными камни, деревья, источники, великое суеверие — приписывать божественную силу кусочкам от этих камней, щепочкам от этих деревьев, воде из этих источников.

А вот «Жития святых», изданные церковью, рассказывают, как больной получил исцеление от земли, лежавшей около костей Иулиании, признанных за это и за другие «чудеса» мощами; как несколько больных исцелились, выпив кваса, взятого из Звенигородского монастыря. И «Жития» приводят врачевания этим божественным квасом в доказательство, что Савва Звенигородский (Сторожевский) действительно святой, действительно бог.

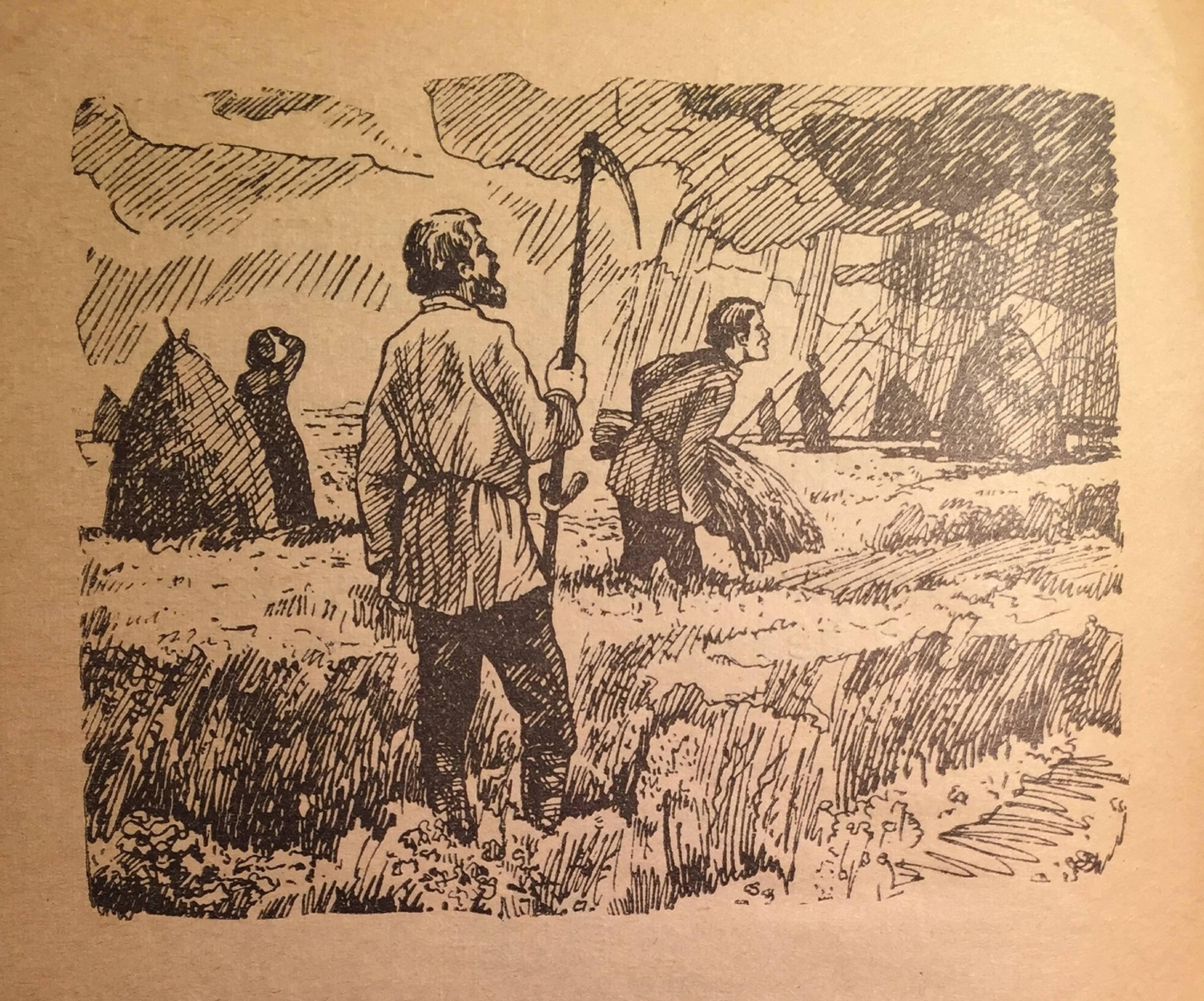
Всё это церковь считает православной верой, а не суеверием. И это потому только, что православная вера была господствующей и что жрецы этой веры до

Октябрьской революции принадлежали к господствующим классам общества. Они не терпят конкуренции старинных верований. Они объявили старинных богов бесами и старинные верования — суеверием.

Свои заклинания они называют молитвами, а старинные заклинания — колдовством.

Но где же разница между верой и суеверием? Её нет.

*

Работали крестьяне летом, работали осенью, работали весной. И работали не даром, ожидался большой урожай. Но нашла туча с грозой и градом, и в какой-нибудь час поля были побиты.

Откуда и почему пришла гроза, неизвестно. Значит, её послал бог.

Вчера лошадь крестьянина была совсем здорова. А сегодня, когда утром вошли в стойло, она стояла измученная, вся взмыленная, как будто на ней бешеным галопом мчались десятки километров.

Что приключилось ночью с лошадью, неизвестно. Значит, это дело нечистого.

Вера в бога и в нечистого является там, где знания недостаточно, где вообще нет знания.

Верующий человек не скажет: «Я этого не знаю». Вместо этого он говорит себе: «Это от бога» или «Это от дьявола».

Если человек говорит: «Я этого не знаю», он тем самым говорит нам: «Я этого пока не знаю». Если я пока не знаю, получается прямой вывод: это надо узнать. Мысль начинает работать и не успокоится до тех пор, пока не допытается до действительного объяснения.

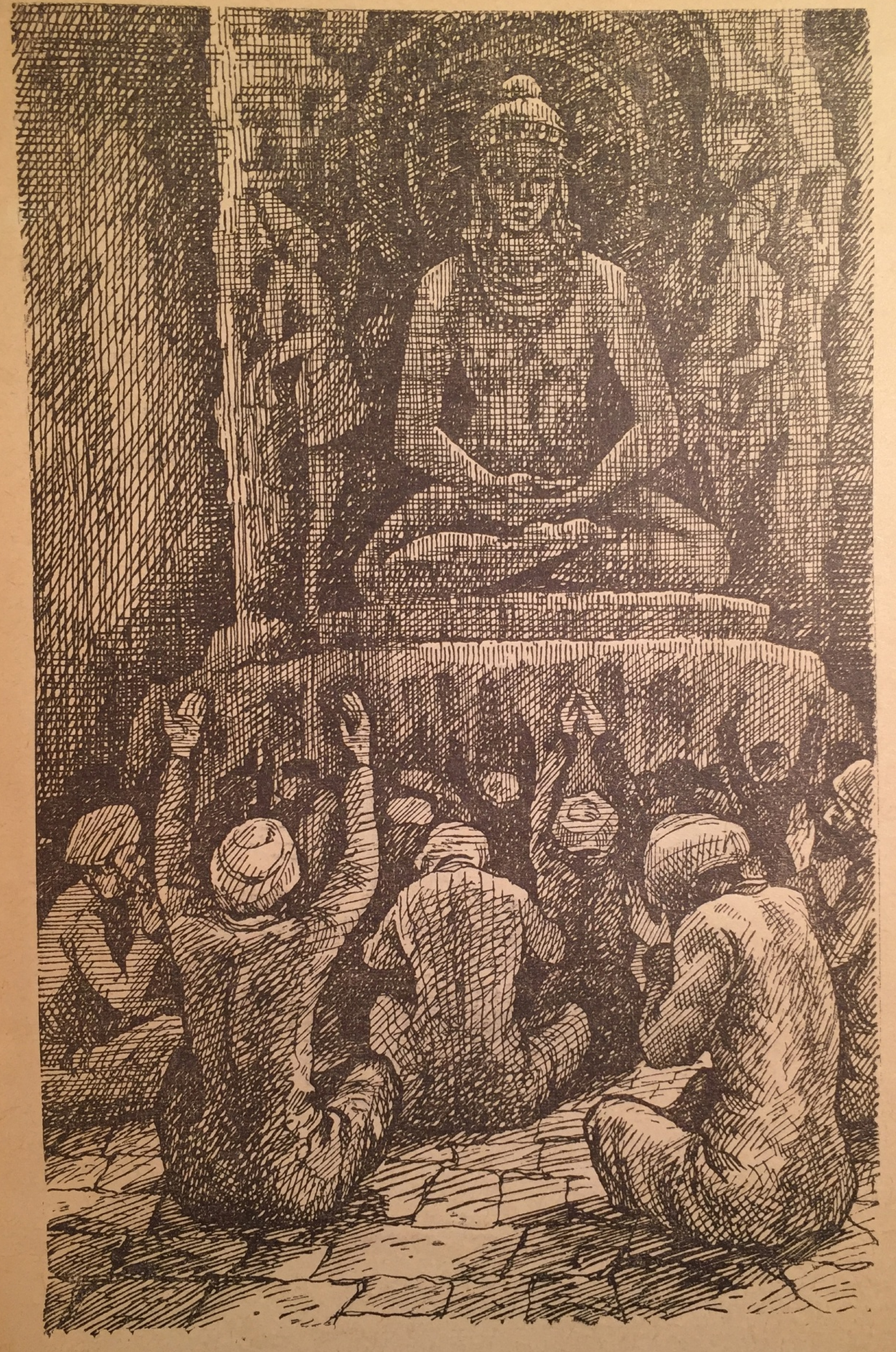
Когда человек говорит: «Это от бога» или «Это от дьявола», он настраивает свою мысль на смиренный лад и усыпляет её. Работа познания здесь разом упирается в серую стену. И, что всего хуже, человек и сам не замечает, что он нисколько не сдвинулся с места. Напротив, ему представляется, что он уже дал достаточное объяснение. Его мысль не только засыпает, но и умирает.

Человечество приходит к знанию путём разрушения религиозной веры. Пока оно действительно верило, что молния и гром — это стрелы, выпускаемые Зевсом,

Перуном, Ильёй или ангелами, поражающими бесовское воинство, оно содрогалось, трепетало от ужаса перед разыгравшейся грозой, оно спешило в храмы, оно зажигало умилостивительный огонь перед идолами, сделанными из камня и дерева или нарисованными на доске. Но оно не дерзало исследовать, отчего же в действительности происходит гром и молния.

Когда человечество стало исследовать, умерли Зевс и Перун — громовержцы, рассеялись полчища бесов и ангелов, которые вели сражения в облаках и над облаками. Человечество познало действительную силу, которая производит страшные молнии и громовые раскаты, и, познав эту силу, подчинило её себе.

Теперь эта сила, называемая электричеством, по проволоке и без проволоки связывает телеграфом народы, отделённые тысячами километров один от другого. Теперь она в телефоне передаёт человеческую речь за сотни километров. Теперь она освещает улицы и дома в городах и двигает десятки и сотни трамвайных вагонов, перевозящих десятки и сотни тысяч людей ежедневно. А теперь эта сила связывает телеграфной и телефонной проволокой самые заброшенные деревни и

Человечество... спешило в храмы, оно зажигало умилостивительный огонь перед идолами...

заменяет в них не только лучину и свечу, но и лампу. И эта же сила приводит в движение мельницы, фабрики, заводы и железнодорожные поезда.

Умерло всё таинственное в облаках и над облаками: умерли Зевс и Перун, Илья-пророк, бесы и ангелы. Человечество превратило их в своих удивительно быстрых, сильных и неутомимых почтальонов, в своих коней и возчиков.

